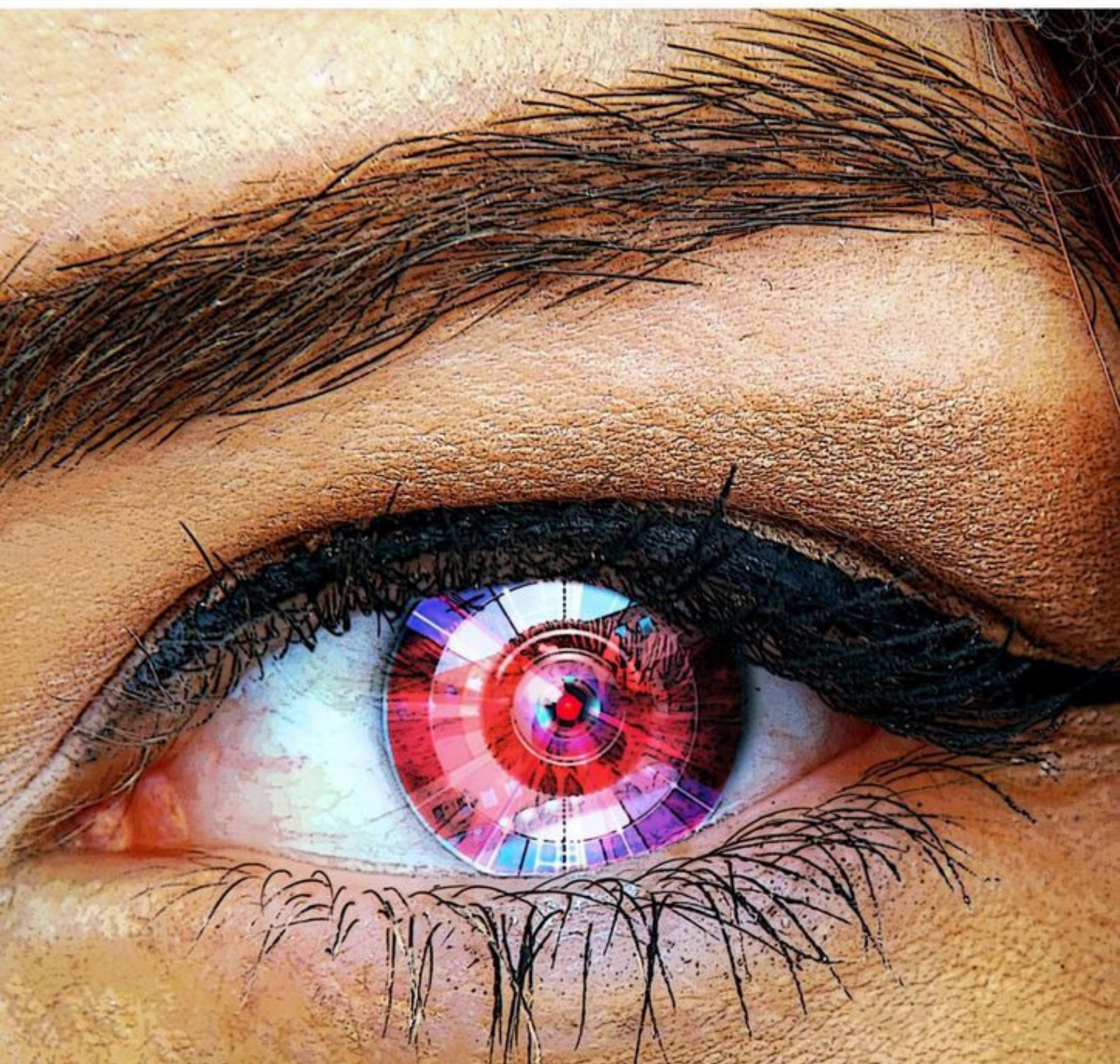

18+

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Милая

Лина Кирилловых

Милая

«Издательские решения»

Кирилловых Л.

Милая / Л. Кирилловых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988231-8

Ревнуют, лгут, спасают, защищают, любят. Притворяются кем-то или вовсе не знают себя. Так делают люди — не только настоящие. И это нормально.

ISBN 978-5-44-988231-8

© Кирилловых Л.
© Издательские решения

Милая

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2020

ISBN 978-5-4498-8231-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Парень плакал, содрогаясь худыми плечами – потерявшись где-то, отключившись, уронив большепалые руки на мокрый шербистый асфальт, и женщина рядом с ним тщетно и заведённо твердила: «Конфетку, дорогой? Конфетку? Ну пожалуйста». Леденцы в стеклянной вазе дождь не растворял – размазывал. Они слипались в жёлтый ком, который был радостным – ярким – неправильно.

Накрытое чёрным пластиком тело уже точно конфет не попробует.

– Конфетку, – сказал Донован.

Эгле уловила вопрос.

– Предполагаю, – и всё же странным казалось, что никакой инспектор не учил её раньше, – нарушение ментального характера. Я затрудняюсь определить, какой здесь именно тип. Однако вербальный контакт прояснит это, детектив Донован.

– Понять было просто. Слишком уж он взрослый, так? Для утешения сладостями...

– Не только, – добавила Эгле деликатно.

Донован приподнял бровь: валяй.

– Его одежда, детектив Донован. Это униформа посетителя. Крутого парня, если угодно: чёрная куртка с заклепками, подтяжки крест-накрест. Вот только присмотритесь: куртка велика, а подтяжки – длинные. Одежда чужая, не по размеру, и скрывает очень любопытную рубашку. Вот, отсюда, сбоку, видно... Сплошь шедевральная живопись, выполненная шариковой ручкой. Парень хочет выглядеть тем, кто пьёт в баре, но является тем, кто себя разрисовывает. Вероятно, окружающую обстановку тоже. И ему потворствуют. Близкий человек, очевидно, эта женщина. Добрая женщина. Мать?

– Прекрасно, – сказал Донован иронично. – Все конфеты – твои.

Лейтенант поспешил к ним от крыльца освещённого бара.

Госпожа Веласкес унаследовала «Серый голубь» от мужа. От него же достался ей Гарфилд – если быть точнее, от мужчиной младшей сестры, которая ещё пятнадцать лет назад сбегала на материк с каким-то прощельгой. Драной кошке, подытожила хозяйка бара, не нужен был больной котёнок.

Гарфилд пил какао – уже не плакал, но по-прежнему вздрагивал.

В нём не углядывалось ничего кошачьего. Расстройство аутистического спектра легло на худое лицо совсем другой печатью – отсутствием успехов, которые наращивает жизнь, прозрачностью. Эмоции теснились, залезая на спины друг другу, как попрошайки-рыбы у поверхности пруда: боль, страх, неверие, обида. Донован позвал паренька. Тот поднял глаза и посмотрел очень испуганно. Госпожа Веласкес обняла племянника за плечи.

– Не бойся, мальчик. Господин детектив – хороший.

Мальчик был небрит колючей на вид синевой. Донован заметил, что Гарфилд ещё и стесняется. Стесняется присутствия Эгле.

– Гарфилд, нам очень нужна твоя помощь.

Кабинет беззаботно пестрел следами увлечения хозяйки. Вязаные кружевные салфетки всех оттенков розового украшали полки и выдавший виды телевизор, служили подставкой под чашки и громоздкий старый телефон. Плафон у лампы, порядком засиженной мухами, также был розовым – выцветшим только от времени. От бумаг на столе остро пахло чернилами. На одной из полок – бликом за мутным стеклом – Донован углядел наполовину полную бутылку тёмной жидкости. Салфетки были наружностью, а бутылка – изнанкой. Никому не легко волочить по этой жизни скрипящий полом и дубовыми панелями стен старый бар – а ещё вечно пятилетнего мальчишку.

– Хересу? – госпожа Веласкес проследила за взглядом.

– Не нужно, спасибо.

– А вашей спутнице?

Эгле улыбнулась.

Это было жутко ошибочным, лживым – очарование нежной улыбки, приветливость и дружелюбие. За человечностью здесь человек отсутствует, знал Донован – и как-то частично ощущал бедный Гарфилд. Вряд ли этот парень понимал, кто такая она – и подобные ей.

– Я не пью. Благодарю вас.

– Мисс... тоже детектив? Простите, вы, кажется, не представились...

– Эгле. Стажёр.

– Из полицейской академии, – привычно обозначил Донован.

– Вы не такая, – сказал вдруг Гарфилд тихо. – Вы... кто? Вы очень, очень умная. И, – он снова забегал глазами, – красивая. Но...

– Простите мальчика, – вздохнула госпожа Веласкес. – Когда смущён, он говорит неуклюжие вещи.

– Но – что, дружище? – поинтересовалась Эгле.

– Так-так, – Донован собирался свернуть эту тему, – она ещё не замужем, конечно, однако мы здесь – по работе. Возможно, в другой раз... Эгле? Эхе-хе...

– Звал замуж, – лицо Гарфилда побелело. – Звал замуж! Да! Алишу – Дрейк! Она не хотела. Она не хотела... Она – ушла.

И вновь разрыдался.

Алише Корморан так не стукнуло двадцать. Она копила здесь деньги на колледж, работая почти без выходных и безо всяких отпусков. Не курила, но питала слабость к шоколаду. Собиралась покраситься в рыжий и завести собаку. Худая – но не из тех, кто сидит на диетах, милая – но не особо открытая. Донован смотрел под чёрный пластик. Брезгливость – тем было последнее из испытанных Алишей чувств.

Как будто увидела жабу.

Донован достал из кармана блокнот и наточенный карандаш. Госпожа Веласкес гладила Гарфилда по голове. Сухопарая подвижная женщина, она выглядела сейчас очень старой.

– Кто этот Дрейк? – спросил Донован, уже, кажется, зная, как очевидно, бессмысленно, глупо закончила свой путь Алиша Корморан. Любовная ссора? Банальная ревность? Аффект... И бывший бойфренд, уже сбежавший из города.

– Алишин парень. Пьяница и байкер, – хозяйка бара неодобрительно хмыкнула. – Они расстались два месяца назад.

– И не контактировали?

– Увы. Если бы. Дрейк здорово ей досаждал.

– Он мог проявлять к ней агрессию?

– Несомненно.

– Он мог, – Донован подытожил, – убить?

– Дрейк – мерзкий тип, – сказала госпожа Веласкес. – Его порой увольняли за то, что распускает руки. Мне страшно думать, но... я помню, как они с Алишей ссорились.

– Выходит, мог?

– Выходит, да.

– Так просто, – сказала Эгле. – Что, боюсь, на самом деле сложно.

– Тебе такой вариант не нравится, Эгле. Ты видишь в нём изъян?

– Банальность, детектив. А вы?

Донован задумался.

– На девушку напал не тот, кого она любила. Не друг. И не подруга. Очевидно. Сознание предательства оставило бы след... другой. Другое выражение лица. Удар был сильным, смерть – мгновенной. Убийца был крепким. Алиша ощущала к нему только отвращение.

– Дрейк, – Гарфилд всхлипнул.

– Все в баре хорошо к ней относились, – сказала госпожа Веласкес.

– Убийца сообразил и избавился от оружия. Анализ покажет, что это было... Оружие надо искать. Там отпечатки пальцев. Ну так, Эгле?

– Конечно, надо. Займёмся мы?

– Я дам на этот счёт команду людям из отдела. Но вот ещё что, – Донован постучал по столешнице карандашом. – Вы пришли в бар в семь утра. Ровно за час до открытия, и обнаружили на заднем дворе мёртвую Алишу Корморан. Почему она вообще оказалась здесь так рано?

– Не знаю, – госпожа Веласкес вытерла глаза. – Не знаю, детектив, совсем не знаю. У Алиши ведь сегодня должна была быть смена вечерняя.

Сумерки поблекли и просветлели до серости. Парикмахер, теребя передник, на другой стороне узкой улицы что-то твердил лейтенанту. Мартинсен кивал. Парикмахер был вскочен и небрит – очень даже комичный товарищ сапожнику, который без сапог и ботинок. Сырость не сулила особо приятной прогулки, но прохожие уже появились и, кучкуясь группами, пялились. Чёрный мешок мялся и скрипел, когда Алишу Корморан перекладывали на носилки. Удар пришёлся в висок, очень ровно – повторил про себя Донован. Следов борьбы не обнаружено. Он собирался спросить у Эгле, поняла ли она, что это означает, но оставил все тринадцать погрешностей воли работать. Эгле беседовала с санитарями. Донован окликнул лейтенанта. Парикмахер, получив от того разрешение вернуться в салон, юркнул за вращающуюся дверь. Парикмахер явно имел небольшие проблемы с законом – неоплаченные штрафы или, может, был лишён водительских прав. В мельтешащей за обклеенным рекламками стеклом спине ощущалась заячья нервозность.

– Брэдбрей подтвердил, что хозяйка бара и её племянник подошли где-то в семь. Он живёт тут же, на втором этаже над своей цирюльной, и как раз сам встал ипил утренний кофе. Он их видел в окно, детектив.

– Понятно.

– Как долго пролежало тело?

– Часа три, может, и чуть больше. Время смерти примерно – пять-шесть утра.

– Зря пришла, – проворчал Донован.

– Зря, – вздохнул лейтенант. – Вам теперь работы.

– Знаешь, Мартинсен? Ни один из нас не отправится в рай.

– В смысле?

– Мы огрубели. А что там за шкурой из железобетона – не видно. Там, может, ничего вообще. Отсутствие.

Лейтенант рассмеялся.

– У меня там желание спать.

– У девчонки даже родственников нет. Что жила, что умерла, всё едино. Коллеги повздыхают и забудут.

– Но не тот парнишка. Гарфилд, – сказала позади Эгле.

Морось напитала её волосы, сделав резкими на фоне лица и тяжёлыми. Эгле стояла прямо и спокойно. Ворот плаща был расстёгнут. Она не носила перчатки, шарфы или шляпы, не курила сигареты и сигары, не бранилась и всё равно была похожа на детектива больше, чем сам Донован.

– Любовь, – произнёс Донован с придыханием, и Мартинсен хрюкнул.

– Вы абсолютно правы, детектив.

– Что смеюсь?

– Нет, что дали определение. Ваша насмешка понятна и не вызывает у меня осуждения. Вы смущены. Вы тоже, лейтенант.

– А? – Мартинсен вылупился.

– Его врождённые особенности не допускают грязной шелухи взросления. Мальчик любит искренне и чисто. Он – ребёнок. Вам обоим неловко, потому что любовь для вас – горизонтальное трение тел. Не спешите, лейтенант: я знаю, вертикальное также бывает. Вы уже забыли, как в детстве были влюблены в соседскую девчущку. Что чувствовали к ней.

– Я помню. Её звали Белла, – внезапно сказал лейтенант. – Её папаша торговал подержанными автомобилями. Мы с Беллой построили в овраге дом из ржавых дверей легковушек и ловили в тамошнем ручье тритонов. Я собирал для неё одуванчики, а она готовила из них салат.

– Из тритонов, друг?

– Из одуванчиков.

– И ты его ел? – Донован ухмыльнулся.

– Я ел. Давился, но лопал. Мне нравилось, как Белла смеётся.

– Вы целовались? Хоть раз?

– Донован, ты болван. Ну, да. Целовались. Я целовал её в щеку.

– И что вы ощущали, лейтенант? – спросила Эгле дружелюбно.

– Гордость, наверное. Солнце.

– А потом наступил пубертат. И ты бахнул, солнышко. Уродливой сверхновой. Прыщавой и читающей похабные журнальчики...

– Болван три раза! Ну, а сам так не делал?

– Я, – начал Донован было. – Я...

Загудело и заклокотало мотором: неотложка выезжала со двора, распугивая праздных зевак. Эгле оглянулась.

– Детектив Донован, – она закрыла тему очень вовремя. – Я обратила внимание, но и вы, конечно, видели. Рана... Кожа не стёсана тем характерным образом, который бывает при ударе сверху вниз или же снизу вверх. Убийца – примерно одного роста с жертвой.

– Какого роста Дрейк? – спросил в никуда Донован.

– Да нет, наш парень высокий, – старуха пожевала губами. – Одно время он работал маляром. До того, как выгнали из бригады за драку. Красил в парке забор – в высоту тот два с лишним метра – и не пользовался лестницей при этом. А как нам что подладить – вечно сто отговорок. Дед! – она заорала так громко, что Донован непроизвольно вздрогнул. – Эй, дед! Поди сюда!

Сгорбленный старик с громоздким слуховым аппаратом высунулся из сарая и чихнул.

– Дед! – бабка Дрейка сурово упёрла колбасообразные толстые руки в бока. – Дрейк натворил опять что-то, скотина. Говорите прямо, мистер... офицер. Въехал в чью-то машину? Он не должен был вернуться сейчас.

– Откуда? – Донован насторожился.

Бабка Дрейка зафыркала.

– Да он же на слёте в пустыне. Ну, знаете, их байкерское сборище... Палатки, пиво, песни под гитару. У парня есть приятели – чего тут необычного, мистер...

– Детектив, – поправил Донован. – Ваш внук, миссис Грейхарт, подозревается в убийстве человека.

Октябрь завернул всё в туман. Двор скрылся в пелене сырого и жемчужного, и деревья за домом торчали, как призраки. Мистер Грейхарт, привычный, видно, к выкрутасам Дрейка, не отреагировал на звучное воззвание супруги: вновь скрылся в сарае и чем-то задрезжал. Эгле смотрела на сбитый из разноцветных досок сарай с интересом. Туман весомо, ощутимо пах – дымным чадом от фабрики, холодом, перегнивающей подстилкой листьев. Под ногами чавкало. В грязи, в которую превратилась земля, не наблюдалось свежих отпечатков шин – лишь смутные и растоптанные.

– Что? – охнула миссис Грейхарт.

– Позвольте, мы пройдем в дом, – произнёс Донован.

– Что? – переспросила женщина. – Ах, да-да...

– Идите, – сказала Эгле Доновану. – А я...

– Старик туг на ухо. Особо всё же не ори: излишнее внимание соседей ни к чему.

– Конечно. Я вовсе не буду орать, детектив Донован.

Миссис Грейхарт тупо, по-совиному моргала.

– Хулиган он, – пробормотала она. – Но чтобы так... Невозможно!

Донован поднялся по ступенькам на крыльцо. В стекле входной двери на тёмном фоне занавески – три трещины, облезлая старая рама – он увидел себя.

Такого же нервного, как парикмахер.

Миссис Грейхарт села на продавленный диван. Морщинистое круглое лицо было изумлённым и испуганным. Командирский ореол сошёл, оставив просто пожилую женщину.

– Подозревается, – повторил Донован. – Пока не обвиняется.

Прокуренные, видно, стариком Грейхартом серые обои выцвели. Ряд фотографий в тонких рамках являл процесс взросления подозреваемого Дрейка: вот мальчик, улыбающийся полубеззубой улыбкой, вот юноша-подросток с красными прыщами и тяжёлым взглядом, вот высоченный парень-байкер – в чёрной коже и облаках сигаретного дыма. Дрейка ждала не слишком отличимая от неопрятных неряшливых предков судьба: грузная, задёрганная бытом жена, пиво перед телевизором вечером, фабричная унылая работа, шлепки и затрещины детям. Донован искал и родителей парня – и не нашёл. Совершенно.

– А где достопочтимые отец и мать?

Слегка оправившаяся бабка прыщавого байкера хмыкнула.

– Не здесь. На кладбище.

– Однако, – сказал Донован. – При этом всем они не заслужили памяти?

– А это уже не официальный допрос.

Часы над камином занудливо, хрипяще тикали. Появившийся откуда-то кот вспрыгнул на колючее покрывало дивана. Он забрался на колени к хозяйке и устался на Донована жёлтым глазом. Второй глаз отсутствовал. Чёрные коты – то ли к беде, то ли к удаче.

– Вы знаете девушку по имени Алиша Корморан?

– Да, знаю. Дрейк гулял с ней. Она работает официанткой.

– Работала, миссис Грейхарт. Алишу Корморан убили.

– И вы приехали по душу её экс-приятеля. Логично. Но, – миссис Грейхарт как будто успокоилась, – Дрейка нет в городе, детектив! От пустыни до города триста миль с лишним! Его нет неделю!

Потом, возможно, спохватившись, бабка Дрейка добавила: «Бедная мисс Корморан».

– Не очень вы жаловали девушку. Скажите проще: за что вы её не любили?

– Какой странный вывод. Не любила? Позвольте...

– Вы испугались, когда я объявил об убийстве. Но личность убитой не вызвала у вас сочувствия и ужаса. Так в чём же дело?

Кот, нюхавший воздух, оскалился и зашипел.

– А вас не любят кошки, – вздохнула миссис Грейхарт.

– Я пахну оружием. Это тоже логично.

– Да... – старуха прикрыла глаза. – Я не любила. Не выносила. Я имела право, – её голос опустился до шёпота. – Дрейк – мой единственный внук. Он хулиган, но он – моя кровинка...

– Он звал Алишу замуж. И вы не хотели её видеть в семье.

– Да что вы, детектив, – миссис Грейхарт отмахнулась. – Она на него вешалась, словно репей. Она хотела свадьбу – приезжая дворняжка. Дрейк бросил её. Правильно сделал.

Кот заорал – протяжно и громко, как будто его оскорбили.

Дом гордых коренных обитателей пригорода не мог претендовать на звание хорошего наследства. Он весь разохся и ссутулился. Вонял. Остатками копчёной рыбы из помойного ведра, пригоревшим, с мерзким луком омлетом, пылью, ветошью, прокисшей старостью. Эгле, скрипнув дверью, зашла в коридор, и Донован позлился: невовремя. Хотя, конечно, присутствие женщины слегка успокоило миссис Грейхарт.

– Эгле, – вдруг решил Донован. – Побеседуй-ка.

Он вышел на улицу, и чёрный кот, промчавшись пулей под ногами, исчез за разноцветным сараем, где грохотал полуглухой старик. Груды железных листов у стены казались наворованными, а трудолюбие мистера Грейхарта – чуть преувеличенным. Донован, чавкая по осенней грязи и запахивая на ходу пальто, приблизился к провалу двери. Внутри ярко горела оранжевым лампочка.

Старик Грейхарт чинил обтрёпанное кресло. Багровая обивка протёрлась и местами встопорщилась, прорвавшись от усиленного пользования. В кресле перебивало немало седалищ: они громоздились в него в ожидании бейсбольного матча, тупой сальной комедии, орущего до хрипоты ток-шоу. Обитатели кладбища, родители Дрейка, вероятно, тоже там сжижались. Ящики и полки с грудой хлама неопрятно темнели за горбатой спиной. Грейхарт увидел на пороге тень Донована. Вряд ли услышал, как детектив хмыкнул. Но повернулся с готовностью.

– Это – ваше хобби? – громко спросил Донован.

– С нашей жизнью – необходимость, – хрипло ответил старик.

Обвисшее унылое лицо его пятнал коричневым пигмент. Грейхарт пошамкал ртом, будто жуя. Вставная челюсть, определил Донован. Попытка старика реанимировать кресло напоминала тянущееся в никуда утверждение. «У дома есть хозяин», или «я всё ещё хозяин», или «и беззубый старый пес рычит». Донован кивнул.

– Участникам войны не доплачивают. Ваша военная пенсия, я это имею в виду. Оскорбительно малая.

Старик моргнул морщинистыми веками.

– Заметил на фото в гостиной. Совсем молодого солдата.

– Я был, – сказал Грейхарт, – когда-то. Да. Но, – складки лица дёрнулись от удивления, – в гостиной не висят мои карточки. Они в альбоме... Э?

– Я проверял свою догадку. Извините.

Грейхарт забулькал – необидчиво захохотал.

– Однако, офицер... детектив... Вы детектив? Вам, значит, полагается. И всё же объясните, как...

– Вы поворачиваетесь, ставя ногу к ноге.

Старик заулыбался.

– Война жестока, – Донован смотрел на ровные зубы протеза. – А солдаты на ней убивают.

– И полицейские, – гулко заметил Грейхарт. Его улыбка стянулась.

– Я не совсем полицейский.

Россыпь гвоздей тускло отражала свет. Сбоку от верстака, на стене, висели инструменты. Пилы и ножовки, плоскогубцы, кусачки, какие-то провода, медь скрученной проволоки. Стена была тёмной от никотина, но в одном месте желтела. Вкрученные в стену скобы-крепёжи предполагали то, что пустота над следом обычно бывает заполненной. Донован ткнул рукой: он раздражался на себя, понимая, что эти старики ни при чём. Кот тёрся о косяк двери – лохматая чёрная тень. След, повторяя очертания предмета, светлел фигурным слепком. Никто не прятал его.

– Простите? – переспросил Грейхарт.

– Молоток, – громко повторил Донован.

– А, – Грейхарт почесал серой от пыли рукой щетинистую впалую щеку. – Я не знаю, где он. Потерялся. То есть сунул я его куда-то, детектив. Не помню, куда. Это возраст.

– Старуха просто любит внука и за него трясётся, а старик – замшелый демиург. Он показал мне сделанный скворечник: очень мило.

– Очень. Ведь до весны – полгода.

– Старик дальновиден.

– Всего лишь обломок.

– Вы зря так, детектив.

– Обижаю?

– Бойтесь, – Эгле заправила за ухо прядь. – Бойтесь стать таким же в старости.

– Тьфу ты! – Доновану стало неприятно.

– Обрадую: вам это не грозит. Сто процентов.

Скорее, не грозило ей – конечно, не грозило, и просто состариться тоже, и сделаться хоть чуть-чуть похожей на старого солдата с глухотой (после контузии?), на его расплывшуюся командиршу-жену. В этом не было несправедливости, но скрывалась мысль про утиль. Как утилизируют, Донован не знал. Не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.